

A detailed painting of two hunters in a forest. The hunter on the left is a man with a serious expression, wearing a brown and red jacket, a blue beanie, and brown boots. He holds a rifle across his body. The hunter on the right is an older man with a cap and glasses, wearing a dark jacket and dark boots. He also holds a rifle. A large, grey and white husky-type dog stands to the right of the older hunter, looking towards the viewer. The background is a dense forest of tall evergreen trees with sunlight filtering through the canopy, creating a dappled light effect. The overall style is realistic with a slightly painterly texture.

ЕВГЕНИЙ КУЗНЕЦОВ

**АНГЛИЙСКИЙ АРИСТОКРАТ
НА РУССКОЙ ОХОТЕ**

Евгений Кузнецов

Английский аристократ на русской охоте

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=45102709

ISBN 9785449696526

Аннотация

Приключения и романтика охотничьей жизни пронизывают все восемь историй этой книги. Автор, сам влюбленный в этот образ жизни, азартно пересказывает самые разные происшествия на охоте. Иногда становится грустно, иногда смешно, и просто интересно наблюдать за непредсказуемыми решениями героев. И даже, когда речь идет о преступлении, авантюризм и смелость его героев, не позволяют им оставаться в стороне и допускать браконьерство. Остросюжетные, детективные рассказы основаны на реальных событиях.

Содержание

Господа промысловики	5
Потомок варваров	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Английский аристократ на русской охоте

Евгений Кузнецов

© Евгений Кузнецов, 2019

ISBN 978-5-4496-9652-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Господа промысловики

Погода для тяги была неподходящей: напористый холодный ветер качал макушки сосен, безлистных пока осин, безрез, тащил по небу быстро бежавшую с севера облачную рвань, хоть не было дождя, и то хорошо. Пролетело всего несколько вальдшнепов, причём над лесом и спешно, далеко до них, лишь по привычке издавали призывные харкающие звуки, мало надеясь на то, что сидевшая на земле подруга заинтересуется, отзовется, удастся в любви провести ночь. Открытое пространство вдоль ручья, где стоял Петрович (так к нему обращались знакомые), соизволил посетить лишь один вальдшнеп, летел не только быстро и немного в стороне, а на большой высоте, жечь патроны по такому не стоило.

Но Петровича расстраивала даже не погода, расстраиваться начал, когда услышал гул мотора мотоцикла. Судя по звуку, машина временами буксовала, месила колесами раскисшую почву лесной, таежной тропы. И машина сумела выбраться, остановилась возле избы, не иначе, в которой успел обосноваться Петрович, значит, прощай спокойное одиночество, придется с кем-то уживаться. И что это за пришельцы неизвестно, оставалось надеяться, что повезет, разочаровываться не придется. А он так рассчитывал избавиться в течение недели от суеты, от людей, побыть наедине, дружить

с долгожданной природой, вечером постоять на вальдшнепиной тяге, собирался отыскать тетеревиный ток, соорудить шалашик и романтично проводить утро. Добыча не важна, главное – отвести душу, получить новые впечатления.

Стоять на тяге до полной темноты он не стал.

Подойдя к избе, он ради любопытства осмотрел мотоцикл – мощная громоздкая машина, залепленная грязью. Продавленная колесами колея уводила в таёжный лес. Отважная публика, решившаяся забраться сюда на технике, застрянет – помощи не жди.

Изба хотя и одряхла, немного оседала в землю из-за гниения нижних брёвен, косилась на бок, но простоит еще десяток лет. Как Петровичу сказали в поселке Мирном, сруб привезли сюда и собрали во времена социализма, бригада в ней селилась, ловила рыбу в зимний период, улов вывозили по зимнику, да и сейчас забиравшиеся сюда порой ею пользовались

Зайти в избушку Петрович не спешил, присел на лавку возле стола, на котором рыбачившие прежде рыбаки разделывали рыбу. Он не исключал, что встреча с незнакомыми людьми получится малоприветливой, и становилось грустно, тоскливо, даже несколько раз тяжело вздохнул. Раз приехали на мотоцикле, то это охотники местные, а он – пришлый, причём москвич, москвичей на периферии недолюбливают, считая, что те получают больше денег, живут комфортнее остального люда. Забрать вещи, уйти и ночевать на во-

ле? Спальник, палатку он захватил, отправляясь в незнакомое место, не зная, как удастся устроиться. Но уже поздно, плохо устраиваться в темноте, и устраиваться надо не возле избы, искать место подальше. И нехорошо, даже неприлично зайти в избы, забрать свой рюкзак с вещами и сразу уйти, подумают – явился какой-то ненормальный. И избы он протопил, много времени потратил, срубая сухие ветки с окрестных сосен, в избе тепло.

Он постарался внушить себе: напрасно сгущает краски, заранее считая, что его встретят неприветливо.

Как человек интеллигентный, культурный, он в дверь постучал, хотя не мог увидеть раздетых женщин, лишь затем открыл и зашел в помещение, чуть пригнувшись, чтоб не задеть головой верх дверного проема.

Внутри изба – одна большая комната, до низкого потолка достанешь рукой, слева от двери железная печка буржуйка, вдоль стен несколько нар, забирающимся в тайгу роскошная обстановка не нужна. За самодельным столом внушительных размеров из досок один человек сидел на самодельной же лавке, другой на широких нарах с противоположной стороны, у него за спиной на стене бокфлинт. На столе красовались две бутылки, уже отпечатанные, одна пустая, всевозможная еда, включая яблоки, апельсины, бананы, и ясно – эти двое решили сразу отметить приезд сюда, на вальдшнепиную тягу не отправились, тяжелая дорога через тайгу измотала, и выпить они любители. Помещение освещалось им-

портной лампой на батарейках. Судя по обилию всевозможной еды и этой лампы, пришельцы были людьми обеспеченными. В помещении не холодно, пришельцы сидели в рубашках. Один мужчина плечистый, с массивным телом, с мощной шеей, округлым лицом и тяжёлым подбородком, глядел на вошедшего человека остановившимся взглядом, не мигая, неприятный взгляд, ему под пятьдесят, полнел, точный возраст определить сложно. Почему-то Петрович вспомнил о существовании бандитов и подумалось: этот может быть бандитом со спортивным прошлым, прежде занимался боксом. Но Петрович тут же своё предположение постарался высмеять: ни в одном детективном фильме ни один бандит охотой не увлекался, у бандитов стремления бандитские. Второй охотник молодой, лет тридцати, вид его тоже показался близким к бандитскому: коренастый, крепкий, волосы ровной линией ложились на плоский лоб, контрастные черты лица, и у него взгляд нехороший, жёсткий, кривил сомкнутые губы, глядя на вошедшего как на врага, казалось, готов сказать: «Пошёл вон!» Петрович человек не слабохарактерный, а захотелось немедленно покинуть помещение. Не забывая о культуре, он всё же он сказал:

– Здравствуйте.

– Ты кто? Откуда на наши головы свалился?

Голос сидевшего на самодельной лавке откровенно враждебный, произносил слова, как резал, на приветствие не посчитал нужным ответить. Мужчина с массивным подбород-

ком только глядел, молчал.

У Петровича снова возникла мысль – забрать свой рюкзак и уйти... Нет, поздно. И потом, нехорошо сразу очернять людей и себя пугать. К тому же, он пришел в эту избу первым, ее топил, пускай эти двое не считают себя полноправными хозяевами, нар здесь несколько, на одной из них Петрович переночует, а утром видно будет, что лучше предпринять.

– Так кто ты? Чего набрал в рот воду!

– Я работаю в научном институте. Сейчас в командировке, на военном объекте. Думаю, вы о существовании объекта знаете, находится в соседнем районе. Давно слышал об этом Лебяжьем озере, что места здесь прекрасные, на этот раз решил сюда забраться. Договорился, меня с работы отпустили.

– Вот, чёрт! Только твоей рожи здесь и не хватало! – проговорил молодой, морщась, будто в рот ему попал кислый лимон.

– В районном обществе охотников я был, путевку купил. В Мирном мне сказали – эта изба ничья, – поспешил Петрович сообщить эти сведения, чтоб не думали – он охотится незаконно.

– Мало ли что сказали... И надолго ты сюда намылился?

– У меня в запасе еще шесть дней.

Малый продолжал изучать Петровича враждебным взглядом, придраться не мог, раз человек имел путевку.

– Ты что, завалился сюда только с ружьем, без вещей и жратвы?

– Нет, спальник, продукты под нарамами. Я здесь со вчерашнего вечера.

– Так это ты сорвал с двери замок?

– Дверь не была заперта.

– Значит, сюда заваливался еще кто-то. Это «Чёрный», больше некому. Рожу ему набью, раз проучил его, предупредил, чтоб в это время больше сюда не совался, мне охоту не портил, все же сунулся.

– Но... здесь угодыя районного общества, как я знаю...

Малый перебил:

– Здесь хозяин я. Усек?.. Вот ты припер, хотя тебя не приглашали, и что с тобой теперь делать? Гнать?.. Ты как сюда добирался?

– От основной железной дороги по местной ветке до Мирного, раз в сутки поезд ходит, потом меня подбросила лесовозная машина, дальше пешком. Карту я имею. В Мирном я расспросил людей, мне подробно растолковали, как лучше сюда добраться.

– Через Кривое болото ты переходил по слегам или в обход?

– По слегам. Местами сгнили, но сумел пройти.

– Если тебя гнать, сейчас пойдешь, то в темноте на болоте можешь утонуть, оттаяло, оно и в морозы слабо промерзает. Утонешь – с трупом иметь дело не хочется, узнают, что я здесь был, мало ли что подумают. В обход по следу моего мотоцикла крюк большой... Фонарик у тебя есть?

– Конечно.

– Батареек может не хватить... Получается, если гнать тебя, то почти наверняка к нам снова завалишься.

Малый задумался.

– Вот что, хрен с тобой, оставайся, – принял он решение. – И ты постарше нас, твой возраст уважим, на пенсии, судя по возрасту, а работаешь... Только утром из избы не будешь высовываться. Для надежности запру тебя, и сиди тихо, пока не выпущу. Плату за ночлег с комфортом с тебя надо содрать, да раз ты ученый – в кармане наверняка пусто, это при социализме вам прилично платили, теперь деньги зарабатывает бизнес.

Он подобрел, раз начал шутить.

Запретить Петровичу охотиться малый намеревался на самом деле, явно считая окрестности вокруг озера своей вотчиной. Хотя Петрович привык быть обходительным и с незнакомыми людьми, а теперь начал смотреть на пришельцев недружелюбно, даже задышал чаще, продолжая стоять возле двери.

– Ты к озеру выходил, лебедей не пошумел? – спросил малый, вдруг обеспокоившись, в голосе опять слышалась неприязнь. – Должны прилететь. Мы запоздало приехали, и притомились, только на озеро глянули, не убедились сидят или нет.

У Петровича не было ни малейшего желания отчитываться.

– Ты что, глухой или не понял, о чем спрашивают?

Промолчать было неприлично.

– Утром лебедей видел, на северной стороне озера.

– Их добыть, надеюсь, не пытался.

– Нет, конечно.

– Порядок! – удовлетворено проговорил малый. – Срывы не будет. Сейчас самое время их прилета. – И он обратился к своему клиенту: – Тот, от кого ты узнал обо мне, наверняка хвалил это место и как у меня поставлено дело, раз и ты соблазнился нестандартно поохотиться. Без трофея не уедешь, гарантирую.

Клиент, казалось, не испытывал к разговору интерес, очищал очередной банан от кожуры, жевал, двигая массивной челюстью, глотал. Налив из бутылки в стакан... не водку, похоже, импортный коньяк, судя по фасону бутылки, он опрокинул содержимое в рот, не смутился, что пил один.

– Что топчешься возле двери, подходи к нам, присаживайся, раз тебя оставляем. Доставай свои харчи. Ружье повесь на стену. Или ты за ружье ухватился – думаешь нас пугать? Мы такую затею у тебя живо отобьем, – решил малый пошутить.

После расспроса о лебедях и упоминании о трофеях Петрович начал догадываться, для чего эти двое здесь, захотелось не только возмутиться тем, что его намеревались запретить в избе, а и сказать о недопустимости затеваемой ими охоты, пристыдить браконьеров. Но он уже составил пред-

ставление об этих людях. Судя по их внешности и по ведению, клиент денежный бизнесмен или большой чиновник, привык, чтоб поступали так, как хочет он, готов переть словно танк, выбрав цель, раздавит, если надо, увидит в этом выгоду; местный малый наглый, самонадеянный, судя по возрасту он вряд ли большой начальник, однако кем-то командует, кто-то ему подчиняется, церемониться ни с кем не собирается; нетрудно догадаться, как эти двое отнесутся к обвинительным словам. И пристыдить – этого недостаточно, незаконную охоту нужно предотвратить, Петрович обязан так поступить. Однако, как он может это сделать? Он рядовой охотник, человек пожилой...

Он поймал себя на мысли, что старается себя обезопасить, с пришлым приезжим и с наглым малым не связываться. И, если подумать, разве он способен помешать охоте на лебедей? Вокруг глухая тайга, помощи ждать неоткуда, начни он действовать решительно – от этих двоих всякое жди, может оказаться, что связываться с ними равносильно смертельному приговору... Невольно пришла мысль закончить охоту, хотя только начал её, утром избу покинуть, дойти до трассы, – называлась грунтовая дорога, вдоль которой прорыты кюветы, – по ней доехать до Мирного, сообщить о браконьерах. Но тут же Петрович подумал: завтра суббота, вряд ли ходят попутные лесовозные машины, на другие рассчитывать трудно. И кто вызовется бороться с браконьерами? Не стоит удивляться, если в поселке знают, на кого наглый малый ез-

дит охотиться, остерегаются с ним связываться. Можно искать правду в районном центре. Но даже если удастся добраться до Мирного, затем на местном поезде доехать до основной железной дороги, до районного центра, где «Общество охотников», где Петрович покупал путёвку, то опять же в субботу, воскресенье в обществе не работают. И устремятся ли сюда инспектора? Не говоря о том, что браконьеры к тому времени уедут отсюда с трофеями.

Он понял, что бессилён предотвратить браконьерство. В любом случае избушку лучше покинуть, ему противно рядом с этими типами даже находиться. О браконьерах он конечно сообщит, кому надо, в Мирном, в районном центре, была надежда, что все же предпримут необходимые меры; да, сейчас браконьеры останутся безнаказанными, но, будучи разоблаченными, остерегутся заниматься незаконной, преступной деятельностью в будущем, ничего иного он и не мог предпринять, будучи один против двоих опасных типов.

– Не стану вам мешать. Назад не вернусь, не беспокойтесь, где-нибудь и как-нибудь переночую, потом доберусь до трассы.

– Ты что, не понимаешь русский язык? Сказали: сиди тихо и не рыпайся. Трупы нам ни к чему, о чем я уже говорил. И до Мирного тебя сейчас пускать нельзя, наверняка начнешь трепаться, поэтому утром и запрю тебя. Или ты моих слов не понял? Я хотя твоего трепа не опасуюсь, всё равно

лучше, чтоб не было разговоров раньше времени.

На этот раз Петрович не сумел сдержаться:

– Послушайте, что все это значит? Какое вы имеете право?

Почему я должен...

– Потому и должен, – перебил малый бесцеремонно. –

И хватит возникать, заткни пасть, будешь делать то, что скажу, без моей команды ни шагу.

Кому такой ультиматум понравится? Самолюбие Петровича было оскорблено. И он не привык, чтоб с ним так хамски разговаривали. Тем более эти двое годились ему в сыновья, малый точно годился. Да, он покинет сейчас избу, покинет демонстративно, иначе утром его действительно запрут. Малый такой решительный, что станет удерживать силой? А Петрович начнет сопротивляться. Интересно, что в итоге получится, забить его насмерть все же не должны.

И попав в такое необычное, даже опасное положение Петрович не потерял способность оценивать происходящее с насмешкой. Он природы он был человеком неунывающим, любил посмеяться, пошутить. Вот жена его шуточки не понимала, считала солдатскими, постоянно обижалась.

Он шагнул к дальним нарам, под которым спрятан его рюкзак.

Нагнувшись, он намеревался вытащить рюкзак, да остановили произнесенные малым слова:

– Слушай, Вадим Павлович, давай ему заплатим, чтоб не возникал и не мешал, нам нужно спокойствие. Ты бизнес-

мен, деньги имеешь, не разоришься. Согласен?

Петрович невольно выпрямился, повернул голову и увидел, что этот Вадим Павлович слегка утвердительно кивнул головой, по-прежнему занятый поглощением пищи.

– Вот что, – сказал малый, теперь обращаясь к Петровичу, – я привожу на охоту людей ценных, сбоев быть не должно. Завтрашний день посидишь в избушке. Как только мы управимся, то тебя здесь оставлю, охоться в своё удовольствие до моего следующего приезда с другим клиентом через два дня. На лебедей не зарься, лебеди – это моё. Охоту закончишь, доберёшься до Мирного, то держи язык за зубами... Думаю, сотни ему хватит, – добавил он, снова обращаясь к клиенту.

Неожиданный перевод разговора на оплату за подчинение до того удивило Петровича, что спросил, вместо того чтоб возмутиться:

– Сотни чего?

– Бабок, конечно.

И снова оказалось, что Петрович от природы шутник, ситуация такая, что пора кричать, даже плакать, а на его губах заиграло подобие усмешки, не подумаешь, что он уже презирал этих двоих.

– Можно сказать, мне крупно повезло, впервые, пожалуй. Не могу похвастать, что умею делать деньги.

– Порядок. Бабки получишь завтра, когда мы отохотимся и будем уезжать. И со следующим клиентом я договорюсь,

тебе тоже заплатит. Следующий клиент уже ждет. Раньше четверга тебя отсюда не отпускаю, всё же надо опасаться твоего трёпа. Попытаешься уйти – достану тебя, мордобоем дело не ограничится, это сегодня я добрый. В общем, сиди тихо и не рыпайся, повторяю снова, будешь действовать так, как говорю я.

Хотя Петрович пошутил и молча выслушал последнее высказывание малого, а негодование уже черным, густым дегтем затапливало его душу. Проходимец, – именно так он теперь называл малого, – намеревался силой его удерживать, ведущего специалиста НИИ, кандидата технических наук, подкидывал оскорбительную подачку, нисколько не считаясь с чужим мнением. И, главное, эти же двое намеревались охотиться на лебедей. Озеро действительно место их пролета, так Петровичу сказали, и названо оно Лебединым. Утром он видел этих красивейших птиц. Заметив человека издали, они отплыли подальше от берега, непуганые, вывелись, возможно, на островах Ледовитого океана, зимовали в африканском заповеднике, всё равно осторожничали. А как они взлетали! – казалось, бежали по воде, отталкиваясь лапами, махая мощными крыльями, пока удалось от воды оторваться, падали с лап капли. Они сделали круг вокруг озера, ходили на ладьи под белоснежными парусами. Этих редких, благородных птиц намеревались убивать.

Петровичу за шестьдесят, не горячий юноша, поступками которого в первую очередь руководят вспыхнувшие эмоции,

жизнь приучила думать, и неудивительно, что каких-то десять минут тому назад он решил – нет смысла сейчас в происходящее вмешиваться, самому бы остаться целым, единственное, что он может сделать, – сообщить о преступной деятельности этих двоих типов, выйдя к людям; да, Петрович не горячий юноша, но вот сейчас...

Он браконьерскую охоту сорвет! Обязан так сделать. Он покинет избу ночью, когда его не смогут удерживать. Если они все же проснутся, станут останавливать, то он скажет – ему необходимо выйти по нужде. Возможно, рюкзак с вещами не удастся взять, главное захватить ружье, разожжет костерчик, возле него будет греться, как-нибудь переночует в таежном лесу, а утром, когда браконьеры поплывут на лодке добывать лебедей, он выйдет на берег и начнет стрелять в воздух, лебедей перепугает, прогонит. Потом ему придется в лесу скрываться, и добираться до трасс придется осторожничая, от этих проходимцев действительно всего можно ждать, пустятся в погоню. Да, он рискует, все равно он проявит характер, и уже сейчас будет держаться так, чтоб эти двое поняли – их не боятся, пускай не считают себя здесь хозяевами.

Логичное рассуждение подсказывало Петровичу— надо сделать вид, что с приказами малого он примирился, творящееся вокруг его не касается.

Нагнувшись, Петрович вытащил из-под нар набитый всячиной рюкзак, развязал, достал упакованный хлеб, банку

рыбных консервов, пачку сахара, не собирался оставаться голодным, тем более его пригласили присоединиться к компании, его кружка должна быть на столе. Днем он готовил для себя обед на буржуйке, кашу съел, котелок с кипяченой водой оставался на буржуйке.

– Подкинь в печку дровишек, – приказал малый. – И взгляни, наши комбинезоны не горят.

Сосновых палок Петрович заготовил впрок, лежали возле буржуйки кучкой.

От отсыревшего мотоциклетного обмундирования, висевшего на протянутой над буржуйкой веревке, валил пар. По налипшей на одежду торфянистой грязи можно догадаться, по какой непроходимой местности порой приходилось буксовать мощному мотоциклу. На вбитых в стену гвоздях висели защитные шлемы.

Прихватив с буржуйки свой котелок с водой, Петрович подошел к столу, выложил из пакета свою скромную еду.

– Пододвинься, – сказал он малому, проявляя бесцеремонность, некультурность, обращался на «ты», решив, что с браконьером только и надо так разговаривать.

Судя по взгляду, неожиданная решимость пожилого человека удивила малого, однако уступил край лавки.

Сев на лавку, Петрович налил себе из котелка в пустую кружку.

– Ты что, собираешься хлебать воду? – поинтересовался малый. И вдруг решил проявить щедрость: – Хрен с тобой,

угостим более существенным, нальем и коньяка. Воду вылей обратно.

– Спасибо, я спиртное не употребляю.

– Скромничаешь... Ты интеллигента из себя перед нами не изображай. Это прежде научный работник считался личностью, а сейчас... Я с одним, как ты, как-то общался, он рассказывал, как вы живете. Вот и харчи у тебя – жрешь черный хлеб.

Петрович был «куплен» за сотню бабок, обязался «сидеть тихо», и малый перестал смотреть на него враждебно, влияло и выпитое им вино, раскраснелся, захотелось поговорить.

– Вы на вашем объекте что делаете – ракеты пускаете или ещё что? Гражданских приглашают для всяких модернизаций, я так понимаю. Я раз встретил добравшегося сюда с объекта вояку, было давно. Да вблизи этого озера всего один глухариный ток, и тот паршивый, и озер не для благородных уток, но нём только нырки, и тех мало, здесь лебеди, маршрут их пролета испокон веков. Раньше парочка селилась. Теперь не видно. Может, я хлопнул. Я тут поохотился! А вот теперь на охоте делаю бизнес. Тебе сколько платят?

– Достаточно.

– Не заливай... И чего ты за такую службу держишься? Надо искать, что выгодно. Я в поселке считаюсь менеджер, так нас вроде теперь называют. Прежде был леспромхоз, сейчас всем заправляет хозяин. Я приноровился, комбинирую. Пускаем лес и окольными путями по подставным докумен-

там в ту же Прибалтику. Получаю прилично, да лишь дураку не хочется заработать больше. И по духу своему я охотник, не могу без этого, вот решил использовать своё умение. Охочусь с шестнадцати лет, опыт приличный. Прежде я рулил на лесовозе, ружьё всегда возил с собой. Осенью едешь – глухарь торчит на дороге. Они осенью зобы набивают камешками, без камешков у них туго с пищеварением. Издали его засекаешь, газ поддаешь... Говорят – птица сторожкая. Ерунда! Очень часто с дороги слетит – и тут же рядом за кюветом садится, на машину глазеет, ее не боится, успеваешь из кабины выскочить и по нему врезать. Несколько раз удалось сбивать поднимающегося глухаря крылом машины... Как снег выпадает, охочусь на тетеревов, сидят стайками на берёзах, тоже техники не остерегаются. И почему-то сережки на деревьях возле дороги им, придуркам, кажутся слаще... Зайца подцепляешь светом фар – он твой, бежит в луче света, пока его не задавишь... Сейчас на такую охоту езжу редко, настрелялся, и о работе думать надо, если и еду, то сам не рулю, сажусь в кабину лесовоза рядом со знакомым водило. У меня легковушка, на нашей паршивой дороге на ней не разгонишься. Лесовоз – как танк, мелкие колдобины не замечает, лавировать необязательно... И дичи становится меньше и меньше... Теперь я уловил охоту другую, и выгоду получаю приличную. А додумался я до этого в Турции на курорте в Анталии, где отдыхал. Познакомился с одним москвичом, рассказал о нашей местности, о лебедях. А он охотник, раз-

горелся. Бизнес у него приличный, а разнообразия, новых впечатлений не хватает. Организовал я ему охоту на лебедей. Ему понравилось. Прислал дружка. Гляжу – пошло. Надумал поставить дело на широкую ногу с помощью Интернета – поместил рекламу. О своём замысле сообщил, конечно, не в лоб, о лебедях не упомянул. «Устраиваю охоту необычную, интересную». Один тип хотел меня поймать, подставить, я вовремя его раскусил, от него умело избавился, но решил больше рекламой не заниматься. Да сейчас и без рекламы желающих экзотично поохотиться хватает, были бы бабки, приезжавшие ко мне готовы поохотиться второй раз, рассказывают о моей охоте знакомым. Третий сезон вожу на это озеро клиентов. Вот и Вадим Павлович один из них, – кивнул малый на сидевшего мужчину на нарах по другую сторону стола. – Плата у меня умеренная. В Москве ночь с проституткой стоит несколько сотен долларов и больше, а ей что, ножки раздвинула и всё, а мне работать приходится – встречаю клиента, одна дорога на мотоцикле через тайгу чего стоит, хорошо хоть есть тропа. Так она такая, что на ней и человеку на своих двоих недолго поломаться.

Петрович умел сохранять сдержанность, даже когда человек не нравился, разговор вызывал раздражение, а сейчас... чувствовал, что губы, зубы помимо желания смыкались, отчего выперли щеки, ноздри раздувались, переставал думать, что с этими типами нужно быть осторожным, появилось желание схватить стоявшую на столе бутылку и ударить ею ба-

хвала по голове, помимо желая кулаки сжались, задышал чаще. Нет, он не причислял себя к фанатичным защитникам природы, человек обыкновенный, и охотник обыкновенный, с возрастом уже не стремился иметь добычу, куда важнее постоять на той же вальдшнепиной тяге, полюбоваться закатом, послушать, как засыпает лес. Его однажды попросили зарезать курицу, так не смог, только был готов застрелить её из ружья. Когда в дичь стреляешь, то о ее смерти не думаешь. Но вот сейчас...

Лишь усилием воли ему удалось справиться со своим стремлением немедленно наказать бахвала, вспомнив, чем такая агрессивность может закончиться. Выдавать свое возмущение нельзя, нужно постараться стать «своим» в обществе этих проходимцев, чтоб не заподозрили – в голове ученого бродит убийственный для них план.

Он вылил воду из кружки обратно в котелок, как советовал малый.

– Наливай, – решительно потребовал, протягивая малому пустую кружку.

– Так бы сразу.

Если сейчас хотя бы поиздеваться над этими двоими типами, вот какая Петровичу пришла в голову озорная мысль.

– Ну что, господа промысловики, выпьем за знакомство, встречу и за удачную охоту завтра?

– Это можно.

Малый даже чокнулся с Петровичем кружками, после че-

го вылил коньяк в свою широкую глотку.

– У вас должно всё получиться, что вы задумали. Как я понял, вы умеете избавляться и от конкурентов, упомянули какого-то Черного.

Петрович постарался говорить насмешливо, иронически. Получилось ли?

– Кое-кто пытались проявлять самостоятельность. Теперь поняли – на моей дорожке лучше не стоять. Я, если надо, подходящих парней мигом соберу. И сам не постесняюсь вправить мозги. У нас здесь работа одна – на лесопилке, из местных работяг только дурак будет со мной конфликтовать, от меня многое зависит, а пришлые, как ты, быстро начинают понимать, что со мной лучше не связываться. Да пришлые гости у нас здесь редки.

– Сейчас такое время – против сильного не полезут, – сказал Петрович, вроде полностью одобряя деятельность малого. – Тем более, как я понял, вы имеете своих парней, что-то типа банды.

– Какая банда! Приятели. Но если потребуется, то заплачу, за деньги сделаю, что скажу. Двоих парней я вообще начинаю привлекать к моей работе. Вдруг заболею или еще какие обстоятельства, в клиент едет, упустить его нельзя.

– Конечно, глупо обслуживать клиентов лишь самому, – снова одобрил Петрович поступки браконьера. – Надо поставить дело так, чтоб только собирать деньги. Владелец того же магазина за прилавком не стоит, на него работают. Я бы

на вашем месте возвел бы здесь вместо этой примитивной избы что-нибудь приличнее, организовал сауну с девочками, тогда бы от денежных клиентов вообще не было бы отбоя, дорогу к озеру проложить, чтоб можно проехать на «Мерседесе».

– У тебя котелок варит. На счёт «Мерседеса» ты загнул, а задумка у меня есть, чтоб охота была ещё более привлекательной, для тех, кто имеет деньги. Возьму эти земли в аренду, сейчас закон не препятствует, получить на это разрешение не сложно, особенно если имеешь связи с кем надо, при необходимости заплатит чиновнику. Заведу охрану. Ни одна морда сюда не сунется. Когда всё станет моим – развернусь!

Этот дуб не понимал, что над ним старались издеваться.

– Не опасаетесь, что разворачиваться станет поздно? Лебедей не останется.

– Для меня хватит... Создам лебединую ферму, буду подсаживать клиентам лебедей домашних. Ха-ха!

– Рассказали бы хоть про одну из своих охот, а то я в этом деле совсем непросвещенный.

– Рассказать можно... Вот на прошлой недели, до твоего появления здесь, банкир ко мне пожаловал, доставил его сюда на мотоцикле. Утром я глаза продрал, из избы вышел, к берегу подошёл – они плавают, близко, на выстрел. Я тихонько отступил, клиента разбудил. Лебеди всё же заволновались, побежали по воде, стали взлетать, едва мы показа-

лись. Мой клиент промахнулся, а я вмазал картечью. Хотя стрелял следом за клиентом, они успели удалиться, а одного задел. Может, мне не надо было стрелять, настрелялся, и не для этого принял клиента, его надо культурно обслуживать, да я возбуждаюсь, вхожу в раж, охотник азартный... Погонялись мы на лодке за подранком, развлеклись. Клиент добил... У меня тут надувная лодка. Чтоб не возить её всякий раз, здесь прячу. На прошлой охоте ее достал, накачал, оставил на берегу, к завтрашней охоте готова. Не видел её?.. На чём я остановился?.. Ах, да, доби́ли мы того лебедя. К вечеру клиент взял ещё одного, не промахнулся, остался доволен... На лебедей нужно охотиться умело. Хотя по ним мало кто стреляет, не такие сторожкие, как тот же гусь, выстрела не знают, всё равно если плыть к ним напрямую, то к себе не подпустят. Я как действую: без суеты потихоньку гребу то влево, то вправо, оттесняю их к месту, где усадил на берегу клиента. Они любопытные, пытаются понять, почему сидящий в лодке странно себя ведёт. Если и поднимаются на крыло, то имеют привычку улетать не сразу, делают вокруг озера круг на высоте чуть выше окружающих озеро деревьев, и крупной дробью их можно завалить, необязательно картечью. У них крылья огромные, почти всегда оказываются перебитыми, бегуны они плохие, нырять толком не умеют, добыть подранка не сложно. Места, где лучше всего затаиваться, я знаю. Попадаются лебеди, которых защитники природы подкармливают, эти почти ручные... А трофей – что на-

до! Чучело получается отменным. И мясо у них качественное, у гадов... Будь уверен, и для тебя охоту устрою классной, – обратился малый к сидевшему напротив него очередному клиенту. – Тоже присылай своих дружков, если среди них есть любители экзотичной охоты.

Да, Петрович обязан сорвать эту охоту, и чтоб потом у браконьеров отбили желание заниматься преступным промыслом. Наше общество до сих пор не стало на ноги, вот и творится беззаконие, а обычные честные смертные чаще всего со всем мирятся. И Петрович, если подумать, такой же, примиренец. На те же выборы он давно не ходит, рассуждает: ничего не изменится, если не пойдёт голосовать, течёт по течению... Нет, на этот раз он в стороне не останется, охоту сейчас сорвет, а это приведет к тому, что у малого могут пропасть клиенты. Как Петрович понял, клиентура браконьера пополняется потому, что побывавшие здесь рассказывают об охоте на лебедей своим знакомым, те приезжают сюда. Своими действиями Петрович добьется того, что клиенты поймут – охота может получиться не такой безоблачной, как рисует её наниматель, ездить на Лебяжье озеро не стоит. И, конечно, он обратится в местное общество охотников. Если там оставят без внимания его рассказ и заявление, то пойдет в нужные инстанции в Москве, сообщит о браконьерах в интернете, им не удастся остаться в тени.

Мужчина с тяжёлым подбородком по-прежнему держался обособленно, в разговор не вступал. Похоже, он не привык

общаться с обычными смертными, дружить с малым не собирался, поохотится, получит удовольствие – и навсегда распрощается, если, конечно, у него не возникнет желание приехать сюда вторично.

– И вы, конечно, поехали на эту охоту потому, что наскучило будничное рабочее однообразие, – обратился Петрович к мрачному мужчине. – Ездить на обычную охоту – этого вам мало, хотите чего-то необычного, трофей необычный. Охота на лебедей незаконная? Разве законы для тех, кто имеет деньги?

На этот раз клиент соизволил снисходительно усмехнуться, отчего дёрнулся тяжёлый подбородок на округлом лице, показывал этим, что услышанные им высказывания не волнуют его нисколько, свою силу действительно знает.

– Ты что-то треплешься не о том, о чём надо! Тебе что, наша охота не нравится? И чешешь языком. Изображаешь из себя честного. А мы что, не честные?

В голосе малого послышались агрессивные нотки.

Петровичу лучше было промолчать. Подвели нервы.

– Сами только что признавались – комбинируете, лес переправляете за границу нелегально.

– Так это предпринимательство.

Петрович забыл, что решил пока лишь разыграть этих господ промысловиков, появилось желание что-то предпринять немедленно, хотя не забывал, что нужно быть осторожным, вокруг глухая тайга. Расправиться с ним всё же не посмеют?

В этом он уже не был уверен. Однако охватывавшие его чувства уже норовили перелиться через край, остановиться он уже мог.

– Охота на лебедей тоже предпринимательство?.. Нашли философское оправдание, чтоб хапать без зазрения совести. Если бы ваша предприимчивость шла на пользу общества, а то... Разворовываете страну! Была великой державой. По коррупции стоим в мире чуть ли не на ведущем месте. Неудивительно, что кое-какие эксперты и политики говорят, что у нас строится грабительский капитализм. И вы... Один забирается сюда зарабатывать деньги нечестным путем, другой ублажает свою похоть, оба готовы стрелять редких красивейших птиц. Браконьеры! И такие же браконьеры вы во всей остальной своей жизни.

Конечно, Петровичу не следовало так откровенно говорить, до того разволновался от собственных высказываний, что того гляди начнут дрожать руки, появилось даже мальчишеское желание демонстративно смахнуть рукой со стола фрукты и другие заморские кушанья, хоть таким способом передать презрение к этим двоим. Он готов был обвинять дальше, да...

Привставая и поворачиваясь, браконьер рукой цепко обхватил Петровича, сидящего рядом, за отворот штормовки возле горла.

– Ах, ты вшиварь!

Ударить толком малому не сподручно – трудно размах-

нуться. Да, похоже, он не столько хотел наказать обвинителя, как решил слегка развлечься, – из глаз не лился ледяной холод, появившаяся на губах усмешка не от злости. Но когда Петрович стал отталкивать схватившую его руку, то кулак противника сжался мощнее, ворот штормовки перехватил горло, трудно стало дышать. Петрович продолжал презирать этих господ промысловиков, а насилие всколыхнуло в его душе такое возмущение! О своих поступках, и к чему они могут привести, уже не думал. Изловчившись, он ударил малого кулаком в челюсть, причем стремился ударить сильнее.

Такое активное сопротивление, тем более удар в челюсть оказались для малого полной неожиданностью, ослабил хватку, и Петровичу удалось от захвата освободиться. Он сидел на краю лавки, сразу поднявшись, из-за стола поспешно выбрался, отступил на шаг.

Малый не кинулся следом в ту же секунду, в его взгляде даже недоумение, потрогал пальцами подбородок, будто проверял его целостность.

– Ах, ты, морда!

Вот на этот раз в его голосе была неприкрытая злоба, и физиономия лица разительным образом изменилась, ребенка недолго напугать до смерти. Поднимался на ноги малый медленно, теперь принизывая пятящегося к двери Петровича ледяным взглядом. Ему наверняка не привыкать пускать в ход кулаки, в поселке с ним считались, даже боялись, и вдруг

какой-то «вшивый» научный сотрудник осмелился поднять на него руку.

Поняв, что избу лучше немедленно покинуть, сообразив при этом, что нужно взять двустволку, Петрович устремился к стене, где дверь. Сорвав с гвоздя двустволку, он обернулся.

Малый вдруг схватил остававшуюся на столе бутылку и швырнул, как гранату.

Уклоняясь от летевшей бутылки, Петрович непроизвольно вскинул стволы двустволки и... Он сам не мог понять, как нечаянно нажал указательным пальцем на спусковой крючок ружья. Грохот выстрела в тесном помещении оглушил. Возвращаясь с охоты, Петрович имел привычку ружье разряжать. В этот раз он отвлекся, подойдя к избе, увидев мотоцикл, поняв, что придется общаться с людьми посторонними, вынуть патроны забыл. Недопустимо направлять оружие на человека, он это помнил, и незаряженное ружье раз в год стреляет, так говорят. К счастью, он не убил малого, дробь впились в потолок. Угар бездымного пороха полез в нос, волнами поплыла сбитая с потолка пыль.

Малый несколько секунд не двигался, слегка растерявшись, хлопал глазами. Но вот к нему вернулась решимость, стал наощупь шарить по столу рукой, стараясь нащупать нож, не спуская с Петровича остановившегося взгляда, вероятно, умел бросать нож, чтоб впился лезвием в цель, задел кружки, с грохотом упали на пол, упал и нож. Петрович стоял обескураженный, оглушенный, стволы ружья опустил.

Из оцепенения его вывело поведение мужчины с тяжёлым подбородком – привстал и тянулся к своему бокфлинту, висевшему на стене за его спиной, и хорошо, что ширина нар дотянуться быстро не позволяла.

Тогда Петрович и сообразил, инстинкт самосохранения подсказывал: выход у него один – спастись, убьют и докажут, что не они стреляли первыми, были вынуждены защищаться, малый тут человек свой, заступники найдутся. Клиент тоже имел жёсткий характер, люди мягкие стрелять лебедей не решатся, на браконьерскую охоту не отправятся.

Подавшись в сторону, по-прежнему глядя на малого, Петрович упал спиной и задом на дверь, вышиб. Вываливаясь наружу, он не пригнулся, схода стукнулся затылком о верхний косяк невысокого проема, боль голову обожгла, застыл, секунду потерял. Поворачиваясь, он бросился прочь.

Уже ночь, в темноте он наткнулся на врытый в землю стол.

Свернув в сторону, он вслепую устремился в темное нутро спасительных зарослей.

Дверь распахнулась.

– Стой, не уйдёшь, гад!

Петрович уже ломился через кустарниковые заросли. Опасаясь выстрела, он повалился на землю. Однако ему повезло, Малый выскочил без оружия, решил вернуться, в избе скрылся. У Петровича появилось время подняться и броситься в молодой непроглядный лес.

Судя по сдавленно произнесенной матерщине, показав-

шийся через десяток секунд малый тоже сгоряча наткнулся на врытый стол. И тут же он начал наугад палить из ружья, озверев от нахлынувшей на него злобы, на самом деле способен был застрелить человека, не думал, удастся ли преступление скрыть, хотя, конечно, вокруг глухая тайга, есть возможность от тела избавиться, чтоб о случившемся не узнал, тело не нашли.

После первого выстрела Петрович снова упал на колени, сгорбился, пониже пригнулся, верх болотных сапог был подвёрнут, материя штанов на коленях от сырости земли сразу начала намочить, старался дышать тише, хотя лесной шум от качавшихся деревьев звуки прятал, ветер и ночью не утихомирится.

– Где ты, гад? Покажись, если не трус!

Перестав стрелять, малый отобрал у массивного мужчины, тоже из избы вышедшего, карманный фонарь, стал шарить лучом, стараясь разглядеть убежавшего человека, и потребовалось время, чтоб он успокоился.

– Эй, наука, все равно тебя достану, если захочу. Поселок тебе не миновать. Выходи сейчас добровольно. На этот раз пощажу. Слышишь, что говорю?

– Он не выйдет.

– Да его уже здесь и нет, сбежал. Пока я за ружьем возвращался, он, гад, имел возможность скрыться... Хрен с ним. Избавились от него, может к лучшему, к нам теперь не сунется. Рюкзак он оставил, посмотрим, в нем ли фонарик. Ве-

ротьтнее всего фонарик у него в кармане куртки, с тяги вернулся, на тяге нужен, подстрелишь вальдшнепа в темноте – без фонарика не найти. Чешет сейчас, как заяц. На тропу потом выберется. По тропе можно продвигаться и на ощупь, я каждое лето поросли вырубаю, чтоб легко было проезжать на мотоцикле, тропа заметная, достаточно широкая. Конечно, потом через болото пойдёт – может провалиться и с фонариком. Туда ему и дорога, мы тут не при чём. Назад поедём, его рюкзак из избушки заберём, на болоте и бросим.

– Если он сумеет добраться до посёлка и сообщит о нас, о нашей охоте, меня это совершенно не устраивает, договаривались – охота будет инкогнито.

– Это же научный сотрудник, интеллигент, его сейчас так напугали, что будет думать лишь о том, как спастись. И наверняка понял, что имеет дело с людьми серьёзными... И потом, если он и останется живым, до посёлка доберется, то нам не страшен, в поселке никто его не будет слушать. Тот же егерь мой хороший знакомый, причем должник, против меня тянуть не станет, да его в поселке сейчас и нет.

– Он может добраться до станции, до районного центра, там развернуть деятельность.

– Чего ты нагоняешь страх! Пускай крупно ему повезёт, живым останется, сумеет добраться до станции. Сразу хлынут сюда ловить нас? Сам понимаешь, что такого быть не может, в лучшем случае включат посещение сюда в план, будут искать, кого послать, это только работники чрезвычай-

ных ситуаций суетятся сразу. Он соберёт защитников природы, станут нас ловить, когда мы приедем на станцию, ты станешь садиться в поезд? Дураков не отыскать... Даже, предположим, найдут у тебя лебеда, хотя такого быть не может, скажешь – только что купил у какого-то барыги. Я могу...

Они зашли в избу, где и продолжили разговор, дверь закрылась. Клиент браконьера, судя по его высказываниям, волновался за свою репутацию.

Фонарик Петрович действительно имел, в кармане куртки были и документы, деньги. Оставшийся в избушке рюкзак – потеря небольшая. Вот только он не собирался походить на зайца и убегать, как предполагал браконьер. Он не распрощался с желанием сорвать охоту на лебедей. Правда, теперь он решил действовать иначе, не дожидаться утра. Осторожно выбравшись из зарослей и убедившись, что господа промысловики решили продолжить застолье, уверенные, что сбежавший не вернётся, Петрович к двери приблизился, прислушался и разобрал, о чем говорили.

– ...Все они, староперы, законопослушные. Вон моя мать жалуется постоянно, а терпит, верит трепу по телевизору. И меня ругает. А я ей говорю: кому твоя справедливость теперь нужна? Надо крутиться, не теряться, пока другие все не расхватали. Если б не я – ты бы голодала...

Перестав прислушиваться, окончательно приняв решение действовать не так, как надумал вначале, светя фонариком, Петрович от избы отошел в заросли. Там он нашёл несколь-

ко подходящих сухих суков, на земле валявшихся, с ними к избе вернулся. Этими сучьями он подпер дверь. Готов был в случае возникновения опасности снова устремиться прочь. Убедившись, что дверь удалось закрыть прочно, не распахнуть, он направился к мотоциклу, уже смело, не таясь.

Обхватив руль двумя руками, упираясь и со всей силой толкаясь ногами, он сдвинул тяжелую машину с места, шины вязли в растоптанной почве. Немного оттащив машину от избы, он остановился, отдышался, сказал себе: Ну, с Богом! – повернул ключ зажигания, резко нажал ногой на стартер. Двигатель завелся с третьей попытки. Прогреть его не было времени. Обосновавшись на сидении, Петрович включил фару, направил машину по тропе в подступавшие к избушке таежные заросли. Замысел у него простой – уехать на мотоцикле, браконьерам станет не до охоты на лебедей, будет сорвана. Возле озера они не останутся, пешком пустятся по тропе, да Петровича им не догнать, с ним не расправятся.

Переднее колесо с первых же метров пошло юзом, пришлось раскидать ноги в стороны, то правой ногой, то левой от земли отталкиваться, не позволяя машине завалиться на бок. Сноровки не хватало, на мотоцикле Петрович катался всего несколько раз, причем в отдаленном прошлом ради баловства на машине приятеля, и ездил не по таежной тропке, а по асфальту.

Мотоцикл вихлял на мокрой колее, Петрович едва удерж-

живал руль. Остерегался набирать скорость. По сторонам тянулся густой кустарник, за ним таежные ели. Тропа тянулась на месте широкого зимника, которым теперь не пользовались, зарастал. Из-за пронзавшего темноту света фары казалось, что мотоцикл продвигался как по траншее.

Удалось проехать всего сотни полторы метров, на повороте удержать машину не удалось, завалило на землю, при том из-за скользкой почвы мотоцикл занесло с разворотом, опрокинулся на бок, придавил Петровича, больно стукнувшегося о землю плечом, безумно вращавшееся ведущее колесо расшвыривало дерн, комья грязи.

Двигатель заглох.

Выбираясь из-под перевернутой машины, Петрович провозился недопустимо долго, правая нога придавлена, кое-как вытащил. Прикладывая силы, Петрович мотоцикл поднял, стал поспешно запускать двигатель, намереваясь продолжить путь. Мешало подвешенное за спину ружье. Он не обращал внимания на то, что материя на боку, на который упал, промокла, и плечо правой руки слегка повредил.

Двигатель не заводился.

В подпёртую палками дверь избы ломились. Он услышал – со звоном полетели стёкла. Значит, выбили раму окна, намеревались выбраться на волю через окно.

И вот сзади заплясал свет фонарика.

Браконьер выстрелил, хотя темнота, не видел никого, знал, что тропа в этом месте прямая. Петрович дернулся,

ощутив, что несколько дробинок пробили куртку, впились в тело. Расстояние до стрелявшего большое, дробь теряла силу, не могла убить.

Медлить было нельзя, приходилось расстаться с желанием добраться до посёлка на мотоцикле, нужно скорее убежать.

Петрович как танк стал продирается через кустарник. Остановившись, он достал из кармана фонарик, зажег, и тут же погасил, сообразив, что свет увидят, поймут, в какую сторону подался столичный ученый.

За кустарником таежная еловая хмарь. Темень, и Петрович почти сразу наткнулся на ствол ели, лицо слегка повредил. Придя в себя, он свернул в сторону, теперь пошел, как слепой выставив вперед обе руки. Хотя ветер качал ели, заглушал звуки, а Петрович услышал, как подбежавший к перевернутому мотоциклу малый, что-то зло произносил для себя, вероятно клял все и всех, тоже полез через кусты.

Опасаясь, что подстрелят, не надеясь, что полностью скрыт стволами елей, Петрович повалился на колени, пригнулся как можно ниже.

Малый, похоже, остановился, сообразил, что у научного сотрудника ружье, хотя интеллигент, а трудно угадать, как поступит, спасая свою жизнь.

– Ты, морда, ответишь! – закричал малый. – Ты труп! Я тебя из-под земли, а достану!..

Он использовал и мат.

Слегка успокоившись, малый вернувшись на тропу, стал

подзывать клиента, забываясь материл и его, раз тот не шел. Накричавшись и поняв, что на помощь не собираются приходить, он стал возиться с мотоциклом.

Запустить двигатель и ему не удалось, повел машину по тропе к избе.

Поняв, что опасность миновала, Петрович поднялся на ноги, а через какое-то время выбрался на тропу.

Браконьеры возилось с мотоциклом, вынеся настольную лампу, повесив ее на дверную ручку, работали при свете.

Двигатель они запустили и убедились, что поломки нет.

Они затащили мотоцикл в избу.

И как Петровичу действовать, идти к поселку? Однако не стоило, как и прежде, рассчитывать, что удастся вернуться сюда с людьми. И браконьеры завтра осуществят свой подлый замысел. Отступить Петрович не собирался, такой у него характер. Только благодаря упорству он добился успеха в работе, хотя талантливым не был. Его не охватывало жгучее желание отплатить за то, что в него стреляли, работал раскусодок, требуя добиваться правды, ныла спина, ощущал, что кровь почти перестала пропитывать майку, вероятно дробины проббили лишь кожу.

Резиновая лодка лежала на берегу. Столкнув ее в воду, Петрович в лодку забрался, обосновался на сидении, вставил в ключины вёсла.

И он погрёб, осторожно касаясь веслами воды, лишь слегка взбаламученной в этом месте потому, что ветер тянул

со стороны берега, подгонял и лодку, можно было вообще не грести. Он намеревался удалиться подальше, лодку из воды вытащить, уволочить её в лес глубже, чтоб трудно было найти, для надежности изрежет ей борта ножом.

Усаживаясь в лодку, Петрович слышал – громко говорил один человек, казалось, убеждал в чём-то своего напарника, с ним не соглашавшегося, сейчас, хотя лодка от избышки уже на порядочном расстоянии, шумевший в ветвях леса ветер мешал слушать, и дверь избышки закрыта, а можно было разобрать – люди начали ругаться, малый даже кричал. Вот донеслась возня, будто браконьеры подрались, что заинтересовало Петровича, грести перестал. Выливавшийся из уцелевшего окна избы свет ещё не заслонялся подступавшими к берегу деревьями.

Кто-то с грохотом упал на дощатый пол.

Прошло какое-то время и ржаво заскрипели петли распахивавшейся двери. Свет из избы уже не выливался, настольную лампу потушили. Судя по звукам, из избы выкатили мотоцикл, причем браконьеры действовали молча.

Неужели Петрович может торжествовать? Браконьеры убились восвояси, Петрович останется здесь полновластным хозяином, подбросит в буржуйку сосновые палки, шикарно поужинает с апельсинами и бананами, должен остаться импортный коньяк, и появится возможность за победу выпить. Конечно, малого нужно бояться, поэтому охоту придется закончить, тем более надо как можно быстрее сооб-

щить о браконьерах, в поселке Мирном показываться нельзя, Петрович будет добираться до районного центра на попутных машинах, сделает все возможное, чтоб прекратили убивать благородных птиц, преступники были наказаны.

Между тем двигатель запустили, зажглась фара.

Вот только на мотоцикле сидел один человек, в комбине-зоне, на голове защитный шлем, защитные очки. Расстояние отделяло порядочное и нельзя разобрать, кто из браконьеров уезжал.

Мотоцикл ринулся в лес по тропе, протыкал темень вихлявшим светом фары, заносило его, водителю приходилось раскидывать в стороны ноги, как и Петровичу недавно, ногами от земли отталкиваться, не позволяя машине завалиться. Мотоцикл скрылся в зарослях.

Появилась мысль – ловушка. У браконьеров пропала уверенность, что столичный ученый решил ночью идти к поселку, скрывается поблизости. Один браконьер остался, рассчитывают на то, что столичный ученый отъезд мотоцикла не видел, подумает – уехали оба, притащится к избе, не станет в лесу мерзнуть и мокнуть, тем более у него в избе вещи. Оставшийся браконьер оглушит, схватит Петровича, когда тот в избу сунется.

Порядочное время Петрович сидел в лодке, пока не понял – предполагать можно что угодно, нужно разобраться.

Развернув лодку, он погреб к избе.

На берег он выбирался, держа в руках двустволку.

Уже приближаясь к избе, он услышал – в избе стонали будто от боли на низких нотах при каждом вздохе. Когда он к избе подошел, продолжая опасаться, и прислушался, то понял – человек лежал на дальних нарах. Поведение браконьера удивило. Зачем стонать и выдавать свое присутствие? Вероятно, первоначальные предположения Петровича не верны.

Повесив двустволку за спину, спрятав фонарик в карман куртки, чтоб не выдать свое присутствие раньше времени, он стал осторожно открывать дверь, не исключал выстрела и стоял от двери сбоку, намеревался сразу дверь захлопнуть и не дать открыться, если поймет, что браконьер к двери бросится. Браконьер мог устремиться тогда к окну с выбитой рамой. Петрович крикнет, предупредит: «Не вздумай что-либо предпринимать, пристрелю, мне терять нечего.» Хотя, конечно, выстрелить в человека Петрович не способен, рассчитывал: как малый, так и клиент не слабохарактерные, и все же оставшийся в избе должен побояться, что его действительно отправят на тот свет. Ну а если... У Петровича было время скрыться в темноте, если браконьер все же полезет через окно.

Никто на Петровича не кидался, человек в избе продолжал замученно стонать.

Подперев дверь плечом, Петрович достал из кармана фонарик, зажег, направил свет в глубину избы.

На дальних нарах дергался главный браконьер, со связан-

ными за спину руками и связанными ногами, по лбу стекала кровь, заливая левый глаз и нос.

Смелея, Петрович в избу зашел.

Он светил на браконьера фонариком, а тот, похоже, еще не полностью пришел в себя, лишь стонать перестал, не ругался, не требовал, чтоб его немедленно освободили.

Можно было догадываться, что случилось в избе: клиент надумал уехать, уже не верил, что охота получится успешной, не исключал возможных для себя осложнений, мог оказаться и свидетелем мокрого дела, если убью человека, а малый отговаривал уезжать, потом встал возле двери, не пускал, понимая, что лишится хорошего заработка, хуже того, бизнесмен предостережет других охотников побывать на нестандартной охоте, не такой привлекательной и безоблачной, как рекламировал малый. Драка закончилась тем, что массивному мужчине удалось одолеть противника, похоже, ударил бутылкой по голове, действовал решительно, не привык с людьми церемониться. Потерявшего сознание малого он отволол на нары, на всякий случай связал, чтоб не помешал собраться и сбежать.

Петрович смотрел на дергавшегося браконьера и не возникало желание помочь, даже появилась злорадная мысль: так тебе и надо, эта поездка на незаконную охоту хоть чему-то тебя господина промысловика научит, закончишь свой бизнес, очень хотелось на это надеяться.

– Это ты, москвич? Чего стоишь? Развяжи меня.

Вот сейчас, похоже, браконьер окончательно пришёл в себя, узнал вошедшего, стал приподниматься и неловко спускать связанные ноги на пол.

– Я развяжу, а ты на мне свою злость и выпустишь, хотел убить, когда я случайно выстрелил в потолок, потом убежал, так что, извини, выпутывайся сам.

Объяснив свое отношение к происходящим событиям, Петрович подошел к нарам, под которыми его рюкзак, вытащил, затем отошел к столу забрал свою кружку, котелок, вернулся, в рюкзак упаковал, завязал, деловито закинул за спину.

– Прощай.

– Да постой! – закричал малый в отчаянье.

Видя, что на его просьбу не обращают внимание, малый зло высказался, используя мат.

Петрович дверь закрыл, зашагал прочь, светя фонариком, намеревался уйти подальше, разжечь костёр, возле огня провести ночь, торжествуя победу, светло стало на душе, пока не решил, стоило ли ставить палатку. Утром он отправится к трассе, доберется до Мирного, объяснит, где браконьера могут найти.

Однако далеко он не ушёл, остановился. Малый с пробитой головой мог нуждаться в срочной медицинской помощи, мог не продержаться, не дожидаясь прихода людей, тем более оставаясь связанным. Хотя малый и злостный браконьер, наказание заслужил, и всё же нехорошо поступать бесчело-

вечно и по отношению к преступнику.

Потомок варваров

Ну и внешность у незнакомца! Плечи шириной с оконный проем, глаза навывкате, давно не брит и густая щетина, пощадившая лишь щеки, делали его похожим на первобытного человека каменного века. На незнакомце рубашка давно нестиранная, непонятно какого цвета, старые заплатаанные штаны, непричесанные волосы топырились на голове, передние спадали на лоб, а вместо левой ноги торчала деревяшка, напоминавшая перевернутую бутылку, сыромятные ремни крепили ее к обрубку. Человек врыто стоял под матерой елью и издали походил на пень. Наверняка он давно наблюдал за плывшей вдоль берега байдаркой, сидевшими в ней тремя парнями. «Егерь!» – метнулась в голове Горюна пугающая мысль. Перестав грести, он схватил двустволку, которую помещал перед собой, чтоб иметь возможность сразу стрелять, если увидит дичь, сейчас лучше оружие спрятать от греха подальше. Нет, прятать поздно.

И тут же Горюн устыдился своей паники. Откуда егерю взяться в таежной глухомани, на затерянном озере, обозначенном на карте маленьким кружком? Какой головотяп надумает создавать здесь приписное хозяйство и его охранять? И разве одного возьмут на службу? Удивительно вообще, как инвалид сумел доползти сюда, на здоровых ногах человек устанет материться, если надумает добираться до этого

озера, идя тайгой, придется преодолевать и сырые моховые болота, а на одной ноге – караул через километр закричишь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.